

Паоло Коньетти
ВОСЕМЬ
ГОР

Роман

*Перевод с итальянского
Анны Ямпольской*

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ**

Москва

Глава 1

Деревушка Грана стояла в ответвлении одной из долин, и путники не обращали на нее внимания. Над долиной возвышался хребет стального серого цвета, внизу доступ в нее затрудняла отвесная скала. На скале виднелись развалины башни, сторожившей заброшенные поля. От шоссе отходила грунтовая дорога, петляя, она круто карабкалась вверх, к подножию башни. После башни подъем становился более пологим, дорога тянулась по склону и тут, на его середине, вливалась в глубокую долину — казалось, дорога идет на одном уровне, но это было не так. Когда мы впервые ехали по ней, стоял июль 1984 года. На лугах косили траву. Долина была шире, чем казалась снизу, на теневой стороне все заросло лесом, на солнечной — все было покрыто террасами: внизу, среди зеленых пятен кустов, протекала речка — она то и дело вспыхивала на солнце, и это было первое, что понравилось мне

в Гране. В то время я зачитывался приключенческими романами. Любовь к рекам привил мне Марк Твен. Я подумал, что в речке можно удить рыбу, нырять и плавать, можно наломать ветки и тонкие деревца и построить плот... Я так размечтался, что не заметил появившейся за поворотом деревни.

— Это здесь, — сказала мама. — Пожалуйста, не гони!

Отец поехал совсем медленно. С самого отъезда он послушно выполнял мамины указания. Дорога петляла, мы спускались то правее, то левее в поднятых машиной клубах пыли, подолгу разглядывали хлева, курятники, бревенчатые сеновалы, рухнувшие или сгоревшие строения, стоящие на обочине тракторы и сеноукладчики. Две черные собаки с колокольчиками на шее выбежали из какого-то двора. Вся деревня, кроме пары новых зданий, казалась сложенной из того же серого камня, что и гора: будто дома принес сюда давным-давно оползень или они выросли из земли. Чуть повыше паслись козы.

Отец ничего не сказал. Мама, первая заметившая эту деревеньку, велела остановиться на небольшой площади и отправилась искать хозяйку, а мы взялись разгружать багаж. Одна из собак подбежала к нам с лаем, и отец сделал то, чего я никогда не видел: он протянул руку, дал собаке ее понюхать, сказал ей что-то ласковое и погладил по голове. Наверное, с собаками ему было проще, чем с людьми.

— Ну как? — спросил он меня, расстегивая ремни на багажнике. — Что скажешь?

“Здорово”, — хотелось ответить мне. Запах сена, хлева, дерева, дыма и неизвестно еще чего окутал

меня, как только я вышел из машины, — всё сулило много нового. Но я сомневался, правильно ли так отвечать, поэтому сказал:

— Вроде неплохо, а ты как думаешь?

Отец пожал плечами. Он оторвался от чемоданов и взглянул на стоявшее перед нами строение. С одного боку оно покосилось и, если бы не подпиравшие его столбы, наверняка бы рухнуло. Внутри были уложенные штабелями кипы сена, на сене валялась забытая кем-то джинсовая рубашка.

— Я вырос в похожем месте, — ответил отец так, что я не понял, хорошие у него воспоминания или плохие.

Отец схватился за ручку чемодана и начал его снимать, но вдруг замер. Он взглянул на меня, и я догадался, что он придумал что-то забавное.

— По-твоему, прошлое может повториться?

— Вряд ли, — сказал я, стараясь не болтать лишнего. Отец любил загадывать мне подобные загадки. Он считал, что у меня такая же голова, как у него, есть склонность к логике и математике, и полагал, что обязан устраивать мне испытания.

— Видишь там речку? Да? — спросил он. — Давай притворимся, будто вода — это утекающее время. Если в точке, где мы стоим, настоящее, как ты считаешь, где будущее?

Я задумался. Задача казалась легкой. Я дал самый очевидный ответ:

— Будущее там, куда течет вода, вон там, дальше.

— Неверно, — ответил отец. — К счастью. — Затем, словно подбросив тяжесть: — Опля! — Он восклицал так, когда поднимал меня в воздух. Первый из двух чемоданов с грохотом свалился на землю.

Дом, который сняла мама, стоял в верхней части деревни, рядом с двором, где находилась поилка. Дом выдавал двойственное происхождение: древними были стены, балконы из почерневшей лиственницы, поросшая мхом черепичная крыша и большой закопченный дымоход; все остальное было просто старым — с тех времен, когда полы застелили линолеумом, стены украсили плакатами с цветочками, на кухне установили мойку и повесили шкафчики — теперь они были чумазые, с плесенью. Бросался в глаза только один предмет — черная чугунная печка с латунной ручкой дверцы и четырьмя конфорками — массивная, суровая. Явно ее привезли из другого места и из другого времени. Думаю, маме нравилось, что в доме многого не хватало, — по сути, ей сдали почти голые стены. Она спросила у хозяйки, можно ли заняться благоустройством. Та не возражала:

— Делайте что хотите.

Дом уже много лет не сдавали, не надеялись сдать и этим летом. Хозяйка вела себя резко, но не грубо. Наверное, стеснялась: работала в поле и не успела переодеться. Она вручила маме большой железный ключ, объяснила все, что касалось горячей воды, и не сразу согласилась взять приготовленный мамой конверт.

Отец почти сразу исчез. Для него все дома были одинаковые, а на следующий день ему нужно на работу. Он вышел на балкон покурить и, держась за грубые деревянные перила, смотрел на вершины

гор. Отец словно приглядывался к ним, пытаясь понять, откуда пойти в атаку. Вернулся он в мрачном настроении, когда хозяйки уже не было, так что любезничать с ней не пришлось. Сказал, что съездит купить что-нибудь на обед и что отправится в город до наступления вечера.

В этом доме после отъезда отца мама стала такой, какой я ее никогда не видел. Утром, встав с постели, она клала в печку деревяшки, комкала газету и чиркала спичкой по грубой чугунной поверхности. Ее не раздражало, что кухню заполнял дым, что приходилось ходить закутавшись в одеяло, пока комната не согреется, что молоко убежало и подгорало на раскаленной конфорке. На завтрак я получал поджаренный хлеб с вареньем. Мама умывала меня под краном, споласкивая мне лицо, шею и уши, потом вытирала и выставляла на улицу: пора погулять на солнце и на ветру, хватит быть городским неженкой.

В те дни я обожал исследовать речку. Мне установили две границы, за которые запретили выходить: наверху — деревянный мостик, за ним берега становились круче, а речка — уже; внизу — лесок у подножия скалы, отсюда вода утекала в долину. Мама видела этот участок с балкона, но для меня речка была словно целая река. Сверху вода сбегала рывками, спешила и пенилась среди валунов — я свешивался с них, чтобы увидеть серебристые отблески на дне. Ниже речка становилась спокойнее, разветвлялась, словно переходила от юности к зрелости, очерчивала поросшие березками островки, прыгая по которым я пере-

бирался на противоположный берег. Еще ниже был бурелом, но пробраться сквозь него я не мог. Туда спускалось ущелье. Зимой лавина принесла стволы и ветви, и они гнили в воде, но я об этом не догадывался. Для меня это было препятствие, с которым река сталкивалась в своей жизни, замирала, становилась мутной. Всякий раз я усаживался там и смотрел, как у самой поверхности колышутся водоросли.

На лугах, тянувшихся вдоль реки, мальчишка пас коров. Мама полагала, что это племянник нашей хозяйки. У него всегда была при себе желтая пластмассовая трость с изогнутой рукояткой, которой он тыкал коров в бок, чтобы отогнать их пониже — туда, где высокая трава. Коровы были красно-пестрые, молодые и непослушные. Когда они отбивались от стада, мальчишка их ругал, а иногда гонялся за ними, бранясь. Он поднимался по склону, подзывая коров “О, о, о!” или “Э, э, э!”, а они неохотно брели за ним в хлев. На пастбище он садился повыше и следил за коровами, вырезая что-то из деревяшки складным ножиком.

— Не ходи там, — обратился он ко мне единственный раз.

— Почему?

— Траву топчешь.

— А где можно ходить?

— Вон там.

Он показал на противоположный берег реки. Я не знал, как туда добраться, но спрашивать у него не хотелось, как не хотелось просить разрешения пройти по траве. Поэтому, не снимая ботинок, я вошел в воду. Я старался держаться прямо и не выда-

вать смущения, словно каждый день переходил реки вброд. Поднялся на другой берег и уселся на камень: брюки промокли, из ботинок капала вода, но, когда я обернулся, мальчишка на меня уже не смотрел.

Так мы и проводили целые дни, он на одном берегу, я — на другом, не удостаивая друг друга взгляда.

— Почему ты с ним не подружишься? — спросила как-то вечером мама, сидя перед печкой. За многие зимы дом настолько пропитался влагой, что мы разводили огонь, чтобы приготовить ужин, а гасили, только когда шли спать. Каждый был увлечен своей книгой и, время от времени оторвавшись от чтения, поддерживал огонь или беседу. Нас слушала большая черная печка.

— А как? — спросил я. — Что я ему скажу?

— Скажи: “Привет!” Спроси, как его зовут. Как зовут его ров.

— Ну да, как же, — сказал я, притворяясь, будто поглощен книгой.

В отношениях с людьми мама намного обгоняла меня. Поскольку магазинов в деревушке не было, пока я исследовал реку, она нашла хлев, где можно было купить молоко и сыр, огород, где ей продавали овощи, и лесопилку, где ей разрешили брать обрезки. Еще она договорилась с парнем из сыроварни — он приезжал утром и вечером на фургончике за бидонами с молоком и привозил нам хлеб и кое-какие продукты. Не знаю, как ей это удалось, но прошла неделя, и мама повесила на балконе ящики и посадила герань. Теперь наш дом можно было узнать издалека, я слышал, как немногочисленные жители Граны здоровались с мамой, называя ее по имени.

— Ладно, не важно, — прибавил я минуту спустя.

— Что не важно?

— Подружиться. Мне и одному хорошо.

— Правда? — спросила мама. Она подняла глаза от книги и, не улыбаясь, словно речь шла о серьезном деле, спросила: — Ты уверен?

Тогда она решила мне помочь. Не все так считают, но мама твердо верила, что в чужую жизнь нужно вмешиваться. Прошла пара дней, и я увидел, что в нашей кухне, на моем стуле сидит и завтракает паренек — тот, что пас коров. Сказать по правде, сначала я не увидел его, а услышал запах: от него пахло хлебом, сеном, скисшим молоком, влажной землей и дымом от дров, как для меня с тех пор пахнут горы, — этот запах я слышал в горах по всему свету. Звали его Бруно Гульельмина. В Гране эту фамилию носили все, объяснил он, но Бруно звали только его. Он был старше меня на несколько месяцев, родился Бруно в ноябре 1972 года. Он заглатывал печенье, которым угостила его мама, так, словно ел его впервые. Наконец обнаружилось, что не только я разглядывал его на лугу, но и он разглядывал меня, пока мы оба делали вид, будто не замечаем друг друга.

— Нравится тебе речка, да? — спросил он.

— Да.

— Плавать умеешь?

— Чуть-чуть.

— А рыбу ловить?

— Нет, наверное.

— Пошли, я кое-что тебе покажу.

Сказав это, он слез со стула. Я переглянулся с мамой и, не раздумывая, побежал за ним.

Бруно привел меня в то место, которое я знал, рядом с мостиком. Когда мы пришли на берег, он шепотом велел мне не раскрывать рта и не шевелиться. Потом свесился с камня — совсем чуть-чуть, чтобы видеть воду. Рукой он дал знак подождать. Я принялся разглядывать его: у Бруно были соломенные волосы и загорелая шея. Он носил штаны, которые были ему велики, закатанные на лодыжках и висящие на поясе, и казался карикатурой на взрослого. Он и вел себя как взрослый, говорил и двигался как-то солидно. Кивком подозвал меня — я послушался и тоже свесился с камня посмотреть, что он там разглядывает. Я не догадывался, что мне предстоит увидеть: в этом месте речка образовывала каскад и маленькую темную заводь глубиной по колено. Вода, падая сверху, бурлила и пенилась. По краям плавала густая пена, поперек течения застряла крупная ветка, собиравшая траву и влажные листья. В этом зрелище не было ничего необычного, вода просто стекала с горы, но всякий раз, сам не знаю почему, оно меня очаровывало.

Вглядываясь в заводь, я заметил, что поверхность воды дрогнула: там, в глубине, находился кто-то живой. Одна, две, три, четыре тонкие тени замерли головами против течения, лишь хвосты тихо мотались влево-вправо. Порой одна из теней резко перемещалась и замирала в другой точке, порой из воды показывалась спина и исчезала, но головы были все время повернуты к каскаду. Мы находились ниже по течению, поэтому они нас еще не увидели.

— Это форель? — прошептал я.

— Это рыба, — ответил Бруно.

— Они всегда здесь?

— Не всегда. Иногда уплывают в другую яму.

— Что они делают?

— Охотятся, — ответил он, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. Я же узнал об этом только сейчас. Я всегда думал, что рыба плывет по течению: так ей проще, и не нужно тратить силы, сопротивляясь потоку. Рыбы шевелили хвостами ровно настолько, чтобы оставаться на месте. “Интересно, на кого они охотятся? Наверное, на мошек, которые кружат над поверхностью воды и попадают к ним в пасть, как в ловушку”. Я пристально вглядывался, стараясь во всем разобраться, но тут Бруно надоело: он вскочил, замахал руками, форель мгновенно ускользнула. Из середины заводи рыбы бросились врассыпную. Я посмотрел на воду, но увидел лишь бело-голубую гальку на дне. Потом пришлось оторваться от этого зрелища, чтобы догнать Бруно, — тот бегом поднимался по насыпи.

Чуть выше у реки стояло одинокое строение вроде сторожки. Оно постепенно разваливалось среди зарослей крапивы, кустов малины и сохнувших на солнце осиных ульев. В деревне было полно таких развалюх. Бруно положил руки на каменные стены поближе к углу, где было много трещин, подтянулся и в два счета залез в окно первого этажа.

— Давай! — крикнул он, выглядывая из окна. Но он забыл меня подождать — то ли дело казалось ему пустяковым, то ли ему не приходило в голову, что мне нужна помощь, или он просто привык, что в жизни каждый справляется сам. Я, как умел, попытался повторить за ним. Под руками я чувствовал шероховатый, теплый, сухой камень. Оцарапавшись о подо-

конник, я заглянул внутрь и увидел, что Бруно спускается с чердака по приставной лестнице. Видимо, решил, что я последую за ним повсюду.

В полутьме я увидел помещение, разделенное низенькими перегородками на четыре равные части, напоминавшие ванны. Пахло плесенью и сгнившим деревом. Постепенно, когда глаза привыкли к темноте, я заметил, что на полу валяются железные банки, бутылки, старые газеты, рваные рубашки, дырявые башмаки, ржавые инструменты. Бруно склонился над большим, гладким, белым камнем в форме колеса, лежавшем в самом углу.

— Что это? — спросил я.

— Жернов, — ответил он. — Мельничный камень.

Я тоже наклонился взглянуть. Мне было известно, что такое жернов, но я никогда не видел его своими глазами. Я протянул руку. Камень был холодный, скользкий, отверстие в центре заросло мхом, который прилипал к подушечкам пальцев, словно зеленая грязь. Царапины на руках горели.

— Надо его поставить, — сказал Бруно.

— Зачем?

— Тогда он покатится.

— Но куда?

— Как куда? Вниз. Куда же еще?

Я покачал головой, не понимая. Бруно терпеливо объяснил:

— Мы его поставим. Выкатим наружу. А потом пустим вниз, в реку. Тогда рыбины выпрыгнут из воды, и мы их съедим.

Затея Бруно показалась мне грандиозной и невыполнимой. Жернов был для нас слишком тяжел.